

МЕМУАР ГРАФА КАЛИОСТРО

ПОДЛИННЫЙ КАЛИОСТРО: ЕГО ПОСЛАНИЕ ФРАНЦУЗСКОМУ ПАРЛАМЕНТУ

Подлинный текст послания графа Калиостро французскому парламенту с предисловием в виде статьи из «The Builder Magazine», посвященной этому историческому документу.

Впервые публикуется полностью, на русском языке в переводе с оригинального издания 1786 г.

Когда я пишу эти строки, передо мной лежит небольшая брошюра форматом 11 на 17 см. Ей почти 144 года. На ней проставлена дата – 1786 год, и пускай место издания не указано, нам известно, что это был Париж.

Ее приобрели на аукционе в Лондоне агенты хорошо всем известного масона и библиофила Р.П. Боуэра, чье собрание редких и старинных книг было приобретено библиотекой Великой ложи штата Айова в 1882 г. Среди приобретенных книг была и эта. С любезного разрешения библиотекаря Бр. К.К. Ханта, я взял эту брошюру отсюда и перевел.

Она состоит из 80 страниц, довольно грубо обрезанных и пожелтевших от времени, хотя во всем прочем она удивительно хорошо сохранилась. В библиотеке ее заново переплели в картон, чтобы предохранить от дальнейшего разрушения слой внешней бумажной обложки. На внутренней стороне новой обложки прикреплен листок с экслибрисом, на котором значится имя Теодора С. Парвина, основателя Масонской библиотеки Айовы и первого ее хранителя. Также там указано: «Основана в 1844 г. *Vita sine litteris Mors est*¹».

На внешней стороне оригинальной бумажной обложки значится короткий заголовок, который в переводе выглядит как «Мемуар графа Калиостро». И ниже: «Г-н де Калиостро просит лишь покоя и безопасности. Закон гостеприимства предоставляет их ему. – Из письма, написанного графом Верженном, министром иностранных дел, г-ну Жерару, страсбургскому судье, 13 марта 1783 г.».

На титульном листе напечатан пространный второй заголовок, являющийся просто полным вариантом первого заголовка: «Мемуар графа Калиостро – обвиняемого, обвиненного Генеральным прокурором – обвинителем, в присутствии г-на Кардинала де Роана, графини де ла Мотт и других обвиняемых. Г-н де Калиостро просит лишь покоя и безопасности. Закон гостеприимства предоставляет их ему. – Из письма, написанного графом Верженном, министром иностранных дел, г-ну Жерару, страсбургскому судье, 13 марта 1783 г.». Внизу страницы проставлена дата – 1786 год, и, как уже говорилось выше, не указано место издания. О том, что брошюра была издана в Париже, можно, однако, догадаться по нескольким упоминаниям в самом тексте.

В последнее время наблюдается некоторое оживление интереса к личности Калиостро, отчасти вызванное недавно изданной вульгарной книгой фон Гюнтера², полной неточностей и ложных выводов, перевод

¹ «Жизнь без букв есть смерть» (лат.)

² Иоганнес Фердинанд фон Гюнтер - немецкий писатель и поэт, переводчик, друг Р.М. Рильке. В 1908 – 1914 гг. жил в Петербурге, участвовал в «Ивановских средах», состоял

которой, тем не менее, широко разошелся по нашей стране. Оригинал этой работы вышел в свет в Германии ровно в тот момент, когда разразились невиданные по ожесточенности и безумству атаки на масонство со стороны начальника штаба германской армии ястреба генерала Людендорфа. Чувствуется, что фон Гюнтеру так хотелось побольше пнуть и позже оболгать масонство в своей книге, что нельзя не пасть жертвой искушения подумать, что он руководствовался теми же мотивами, что сам Людендорф, а его книгу следует рассматривать в общем контексте беспрецедентной пропагандистской антимасонской кампании, во всем мире активно поддерживаемой сейчас врагами нашего Братства.

Здесь имеет смысл сослаться на «историческое и критическое» исследование «Неведомый Мастер Калиостро», опубликованное в 1910 г. в Париже д-ром Марком Хэйвеном³, поскольку в нем раскрывается исток и указываются причины неустанных попыток опорочить имя Калиостро, которые сами по себе являются довольно примечательным феноменом. Почему человека, который в жизни своей никому не желал и не принес вреда, на протяжении веков подвергается такой беспрецедентной травле? Ведь нужно помнить, что невзирая на потоки обвинений и клеветы, вылитые на него, никто из обвинителей не в силах указать хотя бы один факт несомненно причиненного им кому-либо вреда, за исключением сомнительного предприятия с ожерельем королевы, о котором, собственно, и пишет он в своем Мемуаре и в котором даже самые ярые враги вынуждены были признать его невиновность. Возвращаясь к книге д-ра Хэйвена, нужно сказать, что Калиостро уехал в Италию в 1789 г. и там был арестован в Риме инквизицией, которая осудила его по обвинению в масонстве, ереси и колдовстве. В оправдание своих действий и чтобы закрепить достигнутый в войне с масонством успех, инквизиция заказала и издала на свои средства «Жизнь Жозефа Бальзамо» - книгу, о которой говорит в своей работе д-р Хэйвен.

Наконец, Святой отдел⁴, полагавший, что захватил в свои руки явного или тайного главу масонского Ордена, решил нанести ему двойной удар: во-первых, навеки запятнать биографию и очернить репутацию этого вестника свободомыслия, столь широко и быстро распространявшегося по Европе в те времена, и во-вторых, внушить недоверие ко всему Ордену вследствие недоверия к Великому мастеру Египетского масонства. «Жизнь Жозефа Бальзамо», опубликованная Святым отделом в качестве апологии собственной деятельности, может служить образцом лицемерия и ненависти: конечно, обвинительные речи Сэйи и мадам де ла Мотт бледнеют перед пламенными строками Генерального прокурора, но в целом, все эти трое очень хорошо потрудились над запятнанием чести Калиостро. Но лишь после отделки силами инквизиции их грубые поделки превратились в произведения искусства и засверкали всеми красками. Все, что только можно было выудить скандального и разоблачительного у

членом Академии стиха, созданной при редакции журнала «Аполлон». В 1909 – 1913 гг. заведовал немецким отделом журнала «Аполлон», был тесно знаком с М.А. Волошиным, Черубиной де Габриак и другими авторами русского «Серебряного века». Весной 1914 г. вернулся в Германию. – *Прим. перев.*

³ Марк Хэйвен (настоящее имя Эммануэль Лаланд, 1868 – 1926) – деятель европейского оккультизма второй половины XIX в., активный участник движений розенкрейцеров и мартинистов, соратник Папюса, Ж. Пеладана и др. – *Прим. перев.*

⁴ Инквизиция – от полного названия учреждения «*Inquisitio Haereticae Pravitatis Sanctum Officium*» - «Святой отдел расследований еретической греховности». – *Прим. перев.*

этих авторов, содержится в этой книге, не считая всего того, что сам Калиостро и его жена несомненно могли сами сообщить инквизиции под угрозой пыток.

Добавим к этому все то, что в 1791 г., когда была опубликована эта его «биография», могли придумать для очернения масонства вообще и основателя одного из его мистических уставов, в частности, итальянские священники, перепуганные Французской революцией, - и станет совершенно ясно, насколько полна эта книга клеветой. Мастерство, с которым ее автор, играя словами, смешивает понятия «католичество» и «религия», «атеизм» и «гетеродоксия», «либерализм» и «скептицизм», таково, что зачастую он убеждает читателя в своей правоте и заставляет приходиться к тем же выводам, к которым пришел он сам, если только читатель не достаточно искушен, чтобы понять, где именно его обманули.

Именно эта книга, очень быстро переведенная на многие иностранные языки и изданная в разных европейских странах практически в то же время, что и в Риме, легла в основу практически всех последующих клеветнических сочинений, посвященных Калиостро. Отождествляя имя Калиостро с личностью Джузеппе Бальзамо, ее автор собственноручно приписал первому все противозаконные действия второго. Но недавнее исследование У.Х.Т. Траубриджа, результаты которого опубликованы в книге «Горести и тайны Мастера магии» (*W.H.K. Trowbridge, Miseries and Mysteries of a Master of Magic*), с достаточной степенью достоверности доказывает, что такое отождествление весьма маловероятно, о чем явно был отлично осведомлен Святой отдел. Точно так же и д-р Хэйвен указывает, что Бальзамо для начала был, судя по известным описаниям, смуглым и некрасивым человеком с плоским сломанным носом, в то время как Калиостро описывают как человека симпатичного и даже красивого, светлокожего, со свежим цветом лица и ростом выше среднего. Скульптор Гудон, приезжавший в Америку, чтобы создать известный памятник Вашингтону, изваял бюст Калиостро, на котором у него почти орлиный нос. Д-р Хэйвен приводит несколько портретов Калиостро и целый ряд свидетельств, подтверждающих, что Калиостро и Бальзамо – это два разных человека, которые были даже отдаленно не похожи один на другого.

Обычно в его жизнеописаниях встречаются ссылки на его собственные заявления, а иногда приводятся краткие выжимки из этого документа. Но даже по ним непредвзятый читатель может понять, что все дело против него было сфабриковано. Поэтому энциклопедия «Британника» вдвойне неправа, утверждая, что в «деле об ожерелье королевы» «Калиостро избежал наказания лишь по причине невероятной наглости и самоуверенности, на которых строилась его защита», однако «в любом случае, это не спасло его от заключения в Бастилию». Французский парламент вообще бы не вправе кого-либо оправдать по уголовному делу, в особенности столь серьезному по причине связи с высшими политическими и государственными сферами, сколь «наглой и самоуверенной» ни была бы его защита. Однако у обвинения вообще не было ничего против Калиостро, кроме предположений, что он был соучастником похищения ожерелья, поэтому как только открылась его невиновность в этом деле, его выпустили на свободу. Совершенно не вызывает сомнений участие в знаменитой афере с ожерельем графини де ла Мотт. Точно так же не вызывает сомнений, что, силясь уйти от ответа или хотя бы разделить вину с

другими, она обвинила кардинала де Роана и Калиостро. Говоря современным языком, она их просто «подставила».

Но ознакомившись с биографией Калиостро только по перечисленным выше источникам, попадаешь в совершенно иную и удивительную атмосферу, начиная читать его собственную версию событий. Он излагает историю, которая может показаться необычной, удивительной, но хотя бы связной. Пусть же читатель сам сформирует мнение об этой исторической личности и событиях, в которых он принимал участие.

Сам Мемуар начинается с пятой страницы брошюры.

Сайрус Филд Уиллард

Опубликовано в журнале «*The Builder Magazine*», March-May 1930, Vol. XVI, №№3-5

**Прошение в адрес Парламента Франции, собранного в палаты,
представленное Генеральному прокурору 24 февраля 1786 г.
в качестве дополнения к Мемуару,
распространенному 18-го числа сего месяца⁵**

Господам членам Парламента, собранным в палатах

К вам обращается со смиренным прошением Александр, граф де Калиостро, от своего собственного имени и, по праву мужа, от имени Серафины Феличиани, его супруги,

Утверждая, что он имеет право надеяться на то, что первый Сенат Франции не отвергнет прошение иностранца, просящего освободить его жену, которая умирает в узилищах Бастилии.

Проситель и его жена были арестованы по приказу Короля и помещены в Бастилию 2 августа 1785 г.

Их известили о том, что через несколько дней после их ареста Суд, по сведениям, сообщенным одним господином, занялся судьбой заключенных, и что для этого была созвана чрезвычайная Ассамблея.

Собралась Большая палата и, ознакомившись с деталями преступления по мере изучения правительственных уведомлений (*lettres de cachet*), Суд не принял окончательного решения по этому делу.

Граф Калиостро молит о милости как можно скорее принять во внимание плачевные обстоятельства, в которых он пребывает.

Проситель не просит ничего для себя. Провозглашенный арестованным, он пробудет в цепях до того мига, когда Правосудие безошибочно засвидетельствует его безукоризненную невиновность.

Но против его жены не ведется дела, и ей не предъявлено никакого обвинения; не идет речь даже о вызове ее в качестве свидетельницы, о чем Просителю стало известно; однако она все равно приговорена к шести месяцам заключения в Бастилии без разрешения для Просителя видаться с ней.

---

⁵ Полная версия данного исторического документа. Второе издание от 24 февраля отличается от первого издания от 18 февраля предпосланным ему Прощением в адрес Парламента и сокращением вводной части Мемуара. Для наглядности в конце приведено начало первой версии от 18 февраля, а в полной версии та часть, которая не вошла во вторую версию, но была в первой, заключена в квадратные скобки. – *Прим. перев.*

Сегодня окружающие его люди больше не могли скрывать состояние, в котором пребывает его несчастная жена, а также угрожающую ее жизни опасность, посему Проситель под влиянием этого тяжкого и горестного удара судьбы ищет средства смягчить сердца судей и закликает их именем Верховного Судьи проявить к ней милосердие, не оставить ее в беде и передать к подножию Престола его почтительный, но непреклонный протест.

Парламент есть не только отправитель верховного королевского Правосудия, ибо именно чрез его законодателей бывает явлена Народу королевская воля, но также и стоны народные посредством Парламента достигают королевского уха.

Посему Проситель молит Парламент о милости, а именно о возможности воспользоваться прекраснейшим из своих прав – правом просвещать власти и смягчать кары.

Действительно, и Проситель, и его жена – иностранцы. Но с каких пор нельзя гонимым иностранцам воссылать плач свой и стон к Правосудию в зале Суда?

Вся Европа устремила взоры на это получившее широкую известность судебное дело, в самом начале которого мы с моей женой были заключены в Бастилию. Мельчайшие его подробности распалют всеобщий интерес к нему во всем мире. Парламенту известно о невинности графини де Калиостро и о ее заключении, и Проситель публично сообщает теперь ему о болезни, угрожающей ее жизни. Позволит ли Парламент ей теперь умереть без применения медицинского искусства ее же мужа? Ведь если правда, что последний имел счастье вырвать из лап Смерти тысячу французов, то приговорят ли его к страданиям от того, что бедная его жена умерла вдали от него без помощи или даже простого слова утешения?

Безуспешно пытался Проситель любыми средствами вымолить у властей предержащих разрешение той плачевной драмы, в которой ныне он оказался. Он полагал, что Мемуар, который велел он распространить несколько дней назад и в котором содержатся неоспоримые свидетельства его невинности и невинности его жены, принесет свободу хотя бы последней. Увы, надежды не оправдались! Общественное мнение сложилось в его пользу, но его жена все равно умирает в Бастилии, между тем как ему не дозволяется даже принять ее последний вздох или применить известные ему средства для возможного возвращения ее к жизни.

Единственное средство, ныне оставленное Просителю, есть справедливость и великодушие Судей. Извещенные обо всех обстоятельствах процесса, они могут засвидетельствовать невинность графини де Калиостро. Опасаться ли Просителю отказа, коль скоро единственной милостью, о которой просит он, является дозволение пасть к подножию Престола?

Госпожа ла Тур, сестра графини де ла Мотт, заключенная в Бастилии в течение нескольких месяцев, только что была отпущена на волю. Неужели она более невинна, чем графиня де Калиостро? Неужели последняя имеет меньше прав на доброту и справедливость Короля, потому что она иностранка и потому что она моя жена?

Мы далеки от подобных мыслей, поскольку чувства, бушевавшие Его Величество, известны в Европе. В особенности хорошо известны они Просителю, потому что они отражены в трех письмах, составленных от Его

имени г-ном Хранителем Печатей, министров иностранных дел и военным министром.

Лишь веря в королевское покровительство и обещанное гостеприимство, Проситель переехал жить во Францию с намерением закончить здесь свои дни.

Ныне же, преследуемый, арестованный и опороченный, он, тем не менее, все равно не разочаровался в Правосудии и убежден в том, что французские судьи не станут действовать вопреки желанию иностранца, который, не жалуясь на то, что сам лишен свободы по ошибке, при этом ограничивает все свои просьбы лишь предоставлением свободы его жене.

Неужели они опасаются со стороны графини де Калиостро изнурительных тяжб, бесплодных попыток пересмотреть дело и слез бессилия? Что ж. Пусть ворота Бастилии не отопрутся перед ней, но дайте же, по крайней мере, ее несчастному мужу возможность получить печальное удовлетворение от оказания ей вспоможения, и в случае если оно окажется бесполезным, - возможность закрыть ей глаза после смерти.

Обдумав все это, господа, не могли бы вы даровать дозволение Просителю поместить даму, графиню де Калиостро, его жену, под защиту и охрану Суда и также повелеть Суду обсудить данное дело с Его Величеством в целях отзыва *lettre de cachet*, по которому вышеупомянутая графиня де Калиостро была заключена в тюрьму Бастилии, а также получения дозволения ей увидеться с Просителем, когда состояние ее здоровья позволит? Если так, вы сделаете этим доброе дело.

Подписано:

Граф де Калиостро
г-н Генеральный прокурор
адвокат г-н Тилорье
стряпчий Бразен

Мемуар

[Я в заключении, я обвинен, я оклеветан. Разве я заслужил такую судьбу? Я исследую глубины своей души и нахожу там покой, в котором люди мне отказывают. Я много странствовал; я известен во всей Европе и в большей части Африки и Азии. Всюду меня принимали как равного и как друга. Все мои знания, все мое время, все мое достояние неизменно и постоянно направлял я на утешение обездоленных. Я учил, я лечил, но ни разу не снизошел до занятий прибыльными спекуляциями, достойнейшим и спокойнейшим из всех ремесел. Испытывая непреодолимое влечение к облегчению страданий ближних моих, я сделался врачом.

Я богат для того лишь, чтобы расширять круг своего благотворения и умножать пути оказания помощи ближним; я сохраняю независимость, я лишь отдаю, ничего не требуя и не беря для себя взамен; мне хватает деликатности учтиво отвергать даже милости, расточаемые мне августейшими правителями. Богатым всегда открыт доступ к моим советам и моим лекарствам; бедным – к моим лекарствам и моим деньгам. Я никогда не делал долгов; моя нравственность чиста и даже сурова, осмелюсь утверждать; я никого и никогда не оскорбил ни словом, ни действием, ни устно и ни письменно. За оскорбления, нанесенные мне, я прощал, и то добро, которое я делал, я делал в тишине. Будучи повсюду

иноземцем,] Повсюду исполнял я долг гражданина; повсюду почитал я религию, законы и правительство. Вот история моей жизни.

Проживая в последние шесть лет в среде разумного, великодушного и гостеприимного народа, я полагал, что обрел новую родину. Я заранее поздравлял себя со всем тем благом, которое смогу сотворить новым своим согражданам.

Подобно вспышке молнии разрушилась моя иллюзия, когда меня бросили в застенки Бастилии. Моя жена, добродетельнейшая и милейшая женщина, также была брошена в эту пропасть. Толстые стены и многочисленные запоры разъединили нас, и ныне я не в силах слышать даже ее стоны.

Я спрашиваю о ней своих тюремщиков, но они молчат в ответ. Возможно, ее уже нет в живых. Беззащитное, слабое и страдающее существо, как сможет прожить она шесть месяцев в месте, где и мужчинам потребны все их силы, вся отвага и все возможное самоотречение, дабы бороться с неотвратимым отчаянием? Однако я слишком увлекся описанием читателям своих невзгод и чуть не позабыл о том, что цель моя состоит в том, чтобы защищаться.

Я провозглашен *prise de corps*⁶. Но какое же преступление я совершил? В чем меня обвиняют? Мне не известно ни о каких свидетелях, которые могли бы выступить против меня. Мне не сообщили даже о жалобах на меня, которыми мог быть вызван отданный в отношении меня приказ, но тем не менее от меня ждут, что я буду защищаться. Как же мне отразить удар, нанесенный неведомо кем? Мне сказали, что таково уголовное законодательство. Я смирился и со стоном склонился пред законом, столь жестоким и грозным для ложно обвиненной невинности.

Таким образом, я могу лишь предполагать, в чем меня собираются обвинить. И если я ошибаюсь, то значит, я сражался с плодами собственного воображения, и единственной моей отрадой будет то, что я, по крайней мере, сказал правду и внушил некоторой, даже значительной, части Общества, сколь несправедлива клевета, окутавшая ныне имя несчастного человека, сейчас пребывающего в узилище и в цепях, под нависшим над его головой обоюдоострым мечом Правосудия и королевской Власти.

---

⁶ Согласно французскому законодательству при Старом режиме (*ancien regime*), король и его министры могли по собственной воле арестовать и заключить в тюрьму любого гражданина без предъявления ему официального обвинения. Это правовое действие осуществлялось по особому правительственному уведомлению (фр. «*lettre de cachet*» – буквально «письмо с печатью»), зачастую путем буквального похищения человека. Зарегистрированы многочисленные случаи злоупотребления этим правом. Судебный термин «*prise de corps*» буквально означает «взятие тела», фактически означает положение заключенного и является грубым соответствием латинскому понятию «*habeas corpus*» («завладев телом»), однако само употребление этого термина в данном случае несколько отличается от латинского аналога. С одной стороны, это положение заключенного означало, что власти завладели его телом и расположены держать его в заключении столько времени, сколько сочтут нужным, а с другой стороны, это подразумевало для друзей заключенного возможность требовать его освобождения в отсутствие должного следствия, предъявления законного обвинения и вынесения судом законного приговора. В этих двух фразах, как в капле воды, отражено основное противоречие между английской и французской системами уголовного законодательства. - *Здесь и далее примечания в тексте, не отмеченные особо, принадлежат С.Ф. Уилларду.*

Обстоятельства дела

Известно со всею очевидностью, что г-да Бомер и Бассанже передали г-ну кардиналу де Роан ожерелье стоимостью в 1 600 000 франков.

Также известно, что г-н кардинал де Роан сообщил ювелирам, что является лишь переговорщиком при осуществлении данной покупки, что настоящим покупателем является Королева, а также продемонстрировал им записку, в которой содержалось описание условий продажи, а на ее полях были слова «хорошо – хорошо – согласна – Мария-Антуанетта Французская».

Королева заявила, что никогда не отдавала приказаний по приобретению ожерелья, никогда не давала согласия на условия покупки и никогда не получала ожерелья.

Таким образом, очевидно, что совершено правонарушение. В чем состоит это правонарушение?

Здравый смысл и мои советчики сообщили мне, что здесь не идет речь о подлоге. Никто не пытался подделать почерк Королевы, и подпись, введшая в заблуждение Бомера и Бассанже, даже не соответствует известной подписи Королевы, которой она обычно пользуется.

Что же это такое, в таком случае? Это выдуманная подпись, призванная ввести ювелиров в заблуждение и побудить их выдать в кредит ювелирное изделие большой стоимости, которое они в противном случае не выдали бы, зная они, что оно предназначено кому-либо другому, а не Королеве.

Каково наказание за это правонарушение? За пятнание священного имени? Я этого не знаю и не желаю знать. Во всем этом деле я лишь ограничиваюсь просьбой судить меня самого по справедливости и простить виновных. Разве не имеет отчаявшаяся невинность права на последнее слово?

Но кто же виноват?

Знал ли кардинал де Роан о том, что подпись – фальшивая? Знал ли он, что Королева не отдавала приказаний о приобретении ожерелья? Знал ли он, что ожерелье так и не будет доставлено Королеве? Был ли он сам обманщиком по неведению, пусть даже пал первой жертвой этого обмана? Верил ли он, обязан ли он был верить в то, что выбран переговорщиком в деле, угодном Королеве, и что Ее Величество желало окутать его пеленой тайны, по крайней мере, на некоторое время?

Будучи вовлечен, сам не зная как и почему, в игру столь высоких интересов, я не стану отрицать в таком случае, что зовусь другом людей, которые называли меня так в другое время и, вероятно, заслуженно. Тем не менее, я стану защищаться и отстаивать свою невинность, не занимая ничьей стороны. Оклеветанный самым странным образом женщиной, которой я никогда не делал ничего плохого, я со всею искренностью желаю ей отстоять свою честь. Я буду счастлив, если Правосудие не найдет в этом деле виновных и никого не покарает.

Г-н кардинал де Роан заявил, что пал жертвой обмана со стороны графини де ла Мотт. Последняя, еще до издания приказа, поторопилась издать свой мемуар, в котором возвела на меня обвинение в подлоге, колдовстве и воровстве, и в особенности в осуществлении всего этого дела с целью разрушить репутацию кардинала де Роана и завладеть ожерельем, хранение которого мне якобы доверили, с целью еще более прирастить свои и так якобы неслыханные богатства.

Таковы, в общих словах, обвинения, отраженные в отчете Прокурора, который приказал отправить меня и мою жену в заключение в Бастилию. Она впоследствии повторила их еще раз в мемуаре, сочиненном на досуге и отпечатанном со включением многих отвратительных подробностей, вследствие которого в отношении меня и было вынесено постановление о положении *prise de corps*.

Поскольку теперь я обязан это сделать, я отвечаю на эти обвинения, которыми я в иных обстоятельствах просто пренебрег бы с презрением.

Но сначала я хотел бы рассказать о себе, какой я есть в действительности. Настало время людям узнать, кто такой по-настоящему граф де Калиостро, о котором ходит столько невообразимых историй. Пока мне дозволялось жить как простому незаметному человеку, я отказывался удовлетворить любопытство по отношению ко мне со стороны общества. Ныне, когда я в цепях и когда закон требует у меня отчета о моих действиях, я расскажу, честно и откровенно, все, что сам знаю о себе. Возможно, история моей жизни станет не последним по важности доводом в моей защите.

Исповедь графа де Калиостро

Мне не известны ни место моего рождения, ни личность породивших меня людей. Различные обстоятельства жизни моей вызвали у меня сомнения и подозрения, которыми я могу поделиться с читателями. Но повторяю, все мои изыскания в этой области привели лишь – и это правда – к многообещающим, но довольно общим представлениям относительно обстоятельств моего рождения.

Первую часть своего детства я провел в городе Медине, что в Аравии. Обучение я проходил там под именем Ахарата, и это же имя я носил в годы странствий по Азии и Африке. Жил я во дворце у Муфтия Салахаима.

Я отлично помню, что вокруг меня было четверо людей: учитель лет 55-60 по имени Альтотас и трое служителей – один белый, состоявший при мне чем-то вроде лакея, и двое черных, из которых один непременно сопровождал меня и находился при мне днем и ночью.

Учитель мой рассказывал мне, что в три месяца я остался сиротой, что родители мои были высокородными христианами, однако при этом он не раскрывал мне ни их имена, ни место моего рождения. Случайно подслушанные обрывки речей позволили мне предположить, что местом моего рождения была Мальта, но мне так и не удалось подтвердить или опровергнуть это.

Альтотас, чье имя и сейчас я не могу произносить без самых теплых чувств, заботился обо мне и обучал меня как родной отец. Ему доставляло радость развивать во мне склонность к изучению наук, к которым я изъяснил тяготение. Могу сказать, что он владел ими всеми, от самых умозрительных до навыков нанесения рисунков на ткани. Ботаника, физика и медицина удавались мне лучше всего, и я более всего в них преуспел.

Он же обучил меня любить Господа и почитать Его, возлюбить ближнего своего и служить ему, почитать религию и законы, где бы ни пришлось жить.

Как и он, я одевался на магометанский манер, но в сердцах у нас была истинная вера, хотя на людях мы и вели себя по-магометански.

Ко мне часто приходил повидаться Муфтий; он был добр ко мне и явно с огромным уважением относился к моему наставнику.

Последний также обучил меня большинству языков Востока. Он часто разговаривал со мной о Египетских Пирамидах и об их необъятных подземных палатах, вырытых древними египтянами, дабы сохранить от разграбления драгоценные сокровища человеческого знания.

Когда мне исполнился двенадцатый год, мною овладело желание странствовать и самому увидеть все те чудеса, о которых он рассказывал мне, и желание это обрело такую силу, что Медина и все занятия детства моего утратили былое очарование в моих глазах.

Однажды Альтотас сказал мне, что мы наконец покидаем Медину и отправляемся в путешествие. Он приказал приготовить караван, и мы отбыли, испросив разрешения у Муфтия, который изволил выразить сожаление о нашем отбытии самым любезным образом.

Мы прибыли в Мекку и расположились во дворце ее Шерифа. Меня переодели в одежды богаче всех, какие мне доводилось носить до того. На третий день после приезда мой учитель представил меня правителю, который любезнейшим образом выразил мне свои милость и расположение. При виде этого князя сердцем моим завладело невыразимое чувство, и глаза мои наполнились сладчайшими слезами, какие мне только доводилось проливать в жизни. Также я заметил, какого труда стоило и ему сохранить невозмутимость. Это один из тех мигнов моей жизни, которые мне не удастся вспомнить без живейших переживаний.

Три года я прожил в Мекке. Не проходило дня, чтобы меня не принимал у себя Шериф, и с каждым днем возрастала его привязанность ко мне и моя благодарность ему. Часто я замечал, что он неотрывно смотрит на меня и затем возводит глаза к небу с горечью и с чувством. И я отворачивался от него в раздумьях и неутолимом любопытстве. Я не смел спросить о причинах у учителя, который обычно сурово отчитывал меня за попытки разузнать, откуда я родом и кто мои родители.

По ночам я иногда разговаривал с негром, спавшим в моей комнате, но бесплодными были и эти мои попытки проникнуть за пелену тайны. Если я заговаривал о своих родителях, он становился глух ко всем моим вопросам. Однажды ночью, когда я совершенно измучил его уговорами, он сказал, что если я когда-либо покину Мекку, мне будут угрожать неисчислимы опасности, а более всего следует мне опасаться города Трапезунда.

Влечение мое к странствиям возобладало над этими мрачными предостережениями. Я устал от размеренной жизни, которую вел при дворе Шерифа.

Однажды он вошел в занимаемые мной покои. Я до глубины души был потрясен таким изъятием высшей милости правителя. Он заключил меня в объятия с большей нежностью, чем когда-либо, и попросил никогда не переставать поклоняться Предвечному, ибо верно служба Ему, я достигну счастья и узнаю свою судьбу. Потом он сказал, заливая лицо мое слезами: «Прощай же, несчастное дитя Природы!».

Эти его слова и тон, которым он произнес их, навсегда запечатлелись в моей памяти. Тогда я в последний раз насладился его обществом. Караван, приготовленный для меня, уже ждал нас, и я покинул Мекку, чтобы более никогда не возвращаться в нее.

Свои странствия я начал с Египта, посетив Великие Пирамиды, в глазах основной массы поверхностных людей представляющие собой лишь бессмысленные груды мрамора и гранита. Я познакомился с начальниками различных Храмов, которые были настолько добры, что провели меня в те места, которые недоступны обычным путешественникам. Позднее я за три года посетил все главные царства Африки и Азии.

Здесь не место и не время обнародовать различные знания и наблюдения, сделанные мной во время путешествий, и описывать поистине невероятные приключения, происходившие там со мной. Я полагаю, что эта часть моей истории подождет более благоприятного момента для изложения.

Поскольку необходимость оправдаться является единственной целью, занимающей сейчас мой ум, я расскажу лишь о своих странствиях по Европе и назову имена людей, которые знали меня тогда, дабы тем, кто интересуется моей судьбой, было проще подтвердить те факты, которые я намереваюсь здесь изложить.

В 1766 г. я прибыл на остров Родос вместе с моим учителем и троими слугами, которые сопровождали меня с самого детства. Там я пересел на французское судно, державшее курс на Мальту.

Несмотря на правило, согласно которому суда, пришедшие с Востока, должны 40 дней простоять в карантине, я получил разрешение сойти на мальтийский берег через два дня. Великий Мастер Пинто предоставил мне и моему учителю апартаменты в своем дворце, и я отлично помню, что мои комнаты были поблизости от его лаборатории.

Великий Мастер сразу же попросил шевалье д'Акино из distinguished дома Принцессы Караманийской оказать ему честь и сопровождать меня повсюду, следя, чтобы всюду на острове мне оказывали должный прием. Тогда я впервые принял, вместе с европейским платьем, имя графа де Калиостро, и меня ничуть не удивило, что Альтотас облачился в церковные ризы и надел на грудь Мальтийский крест.

Шевалье Акино познакомил меня со всеми рыцарями Большого креста Мальтийского ордена. Я даже помню, как обедал с г-ном балли де Роаном, ныне Великим Мастером. Я не мог тогда предвидеть, что двадцать лет спустя меня арестуют и посадят в Бастилию за то, что принц того же рода одарил меня своей дружбой.

У меня имеются все основания полагать, что Великому Мастеру была известна тайна моего происхождения. Он несколько раз беседовал со мной о Шерифе Мекки и о Трапезунде, но никогда не вел разговора на эту тему прямо. Тем не менее, он всегда обращался со мной с огромнейшим уважением и даже предложил мне быструю карьеру в Ордене рыцарей Мальты в случае если я соглашусь принять их обеты. Однако воля моя к странствиям и стремление заниматься преимущественно медициной заставили меня отказаться от столь великодушного, почетного и щедрого предложения.

Там же, на Мальте, я потерял своего лучшего друга, моего наставника, мудрейшего и просвещеннейшего из смертных, достопочтенного Альтотаса. За несколько мгновений до смерти он схватил меня за руку и прошептал почти неслышно: «Сын мой, всегда держи в сердце страх Божий и любовь к ближнему. Очень скоро ты удостоверишься в истинности всего, чему я научил тебя».

Остров, где я потерял своего друга, который столь долго был мне как отец, отныне стал для меня обителью нестерпимых страданий. Я испросил у Великого Мастера дозволения покинуть его и отправиться в путешествие по Европе. Он нехотя согласился и заставил меня поклясться, что однажды я возвращусь на Мальту. Шевалье д'Акино был так добр, что взял на себя труд сопровождать меня в странствиях и снабжать всем необходимым для жизни. Мы отплыли вместе. Сперва мы отправились на Сицилию, где этот рыцарь свел меня с вельможами тех мест. Оттуда мы ездили на другие острова Итальянского архипелага и, осмотрев все Средиземноморье, осели в Неаполе, откуда родом шевалье д'Акино. Дела позвали его в путь в одиночку, а я между тем сам поехал в Рим, вооружившись рекомендательным письмом к сеньору Беллонне, тамошнему банкиру.

Прибыв в столицу христианского мира, я предпочел сохранить полное инкогнито. Однажды, когда я, запершись, сидел дома и упражнялся в итальянском языке, мой слуга объявил о приходе секретаря кардинала Орсини. Этот секретарь получил приказ пригласить меня к Его Высокопреосвященству, и я немедленно отправился, куда он повел меня. Кардинал изъявил по отношению ко мне всю возможную любезность, несколько раз впоследствии приглашал к себе отобедать, а также познакомил меня с большинством кардиналов и римских принцев, в частности, с кардиналом Йоркским⁷ и кардиналом Ганганелли, который в мае 1769 г. стал Папой, приняв имя Климента XIV.

Римский Престол в то время занимал Папа Реццонико⁸, который выразил желание увидеться со мной, и я имел честь несколько раз посетить Его Святейшество в частном порядке для беседы.

Мне тогда шел двадцать второй год. Случай свел меня со знатной молодой незамужней дамой по имени Серафина Феличиани. Она едва вышла из детства, и ее нераспустившееся еще очарование пронзило мое сердце страстью, которая все шестнадцать лет жизни в браке лишь крепла. Это бедное, несчастное существо, которое ни добродетели, ни невиновность, ни положение иностранки не смогли спасти от тягот заключения, столь же жестокого, сколь и несправедливого, стало мне тогда женой.

Не имея ни времени, ни намерения писать многие тома, я не стану вдаваться в подробности своего путешествия по королевствам Европы, но удовлетворюсь лишь перечислением лиц, которые меня знают. Большая их часть живы и поныне. Я с гордостью могу рассчитывать на их свидетельства обо мне. Пусть они скажут, совершил ли я когда-либо хотя бы один поступок, недостойный человека чести; пусть они скажут, просил ли я хотя бы один раз их о какой-либо милости, просил ли я когда-либо защиты у правителей, изъявивших желание познакомиться со мною; наконец, пусть они скажут, творил ли я где-либо и когда-либо что-то иное, кроме лечения недужных без взимания за это платы и оказания помощи бедным.

Вот люди, которые в особенности хорошо были со мной знакомы.

---

⁷ Кардинал Йоркский был братом Карла Эдуарда Стюарта, Молодого Претендента, чье имя столь часто встречается в рассуждениях о возникновении и развитии высших рыцарских степеней масонства.

⁸ Климент XIII, отравленный в 1769 г.

В Испании – герцог Альба, его сын герцог Уэскара, граф Прелата, герцог Медина-Челли, граф Риглас, родственник графа Аранда, посла Его Католического Величества при французском королевском Дворе⁹.

В Португалии – граф Сан-Винсенти, который представил меня при Дворе. Моим банкиром в Лиссабоне был Ансельмо ла Круссе.

В Лондоне – знать и народ.

В Голландии – герцог Брауншвейгский, которому я имел честь быть представленным.

В Курляндии – правящий Герцог и Герцогиня.

Все Дворы Германии.

В Санкт-Петербурге – князь Потемкин, г-н Нарышкин, генерал Голицын, казачий генерал, генерал Мелиссино и шевалье де Жерберон, ответственный за связи с Францией.

В Польше – графиня Мощинская, граф Ржевусский и княгиня, ныне носящая титул принцессы Нассау.

Также я должен сообщить, что временами я путешествовал под другими именами. Я последовательно называл себя графом Харатом, графом Фениксом, маркизом д'Анна, но имя, под которым меня, в основном, знают в Европе – это имя графа де Калиостро.

19 сентября 1780 г. я прибыл в Страсбург. Через несколько дней после приезда и представления графу Ржевусскому, я вынужден был подчиниться настоятельным просьбам городских властей и эльзасской знати применить свои таланты в области медицины и пустить их на службу обществу. Среди знакомых, которых я завел в этом городе, можно упомянуть г-на маршала де Контаде, маркиза де ла Саль, барона де Фразиланда, барона д'Ор, барона Форминзера, барона Дидерихса, г-жу принцессу Кристину и многих других.

Все, кто знал меня в Страсбурге, знает также, каковы были мои занятия и успехи в этом городе. Если даже меня и порочили в каких-то анонимных памфлетах, все газеты и все добропорядочные писатели воздавали мне должное. Да будет мне позволено процитировать несколько абзацев из книги, напечатанной в 1783 г. и озаглавленной «Письма о Швейцарии». Уважаемый автор этих писем так высказывается обо мне в первом томе на пятой странице:

Этот уникальный и удивительный человек заслуживает восхищения своим образом жизни и обширнейшей ученостью. На его лице можно видеть печать понимания и гения, а огненные глаза его проникают в самые глубины души собеседника.

Он прибыл из России месяцев семь-восемь назад и, по всей видимости, намеревается поселиться в городе на некоторое время. Никто не знает, откуда он родом, кто он таков или куда он направится потом. Он любим, почитаем и глубоко уважаем местными властями и видными людьми города, его обожают бедняки и простой народ, однако ненавидят (и клеветают на него) некоторые люди (а именно врачи). Не беря ни платы, ни подарков с исцеленных, он проводит целые дни, посещая больных, в особенности бедных, помогая им лекарствами, которые раздает им тоже даром, и даже давая им деньги на еду.

---

⁹ Здесь и далее фамилии и титулы выверены по историческим источникам. В оригинале они часто написаны с ошибками, вероятно, вследствие восприятия на слух. – *Прим. перев.*

Сам он ест мало и, в основном, итальянские пирожные. Он никогда не ложится в постель и спит не более двух-трех часов в день, сидя в кресле, будучи постоянно готов вскочить с места и устремиться на помощь несчастным и обездоленным в любой час, ибо нет для него большей радости, чем оказывать помощь ближнему своему.

Этот невероятный человек вызывает еще большее удивление тем, что всегда и за все платит вперед, и никто не знает, откуда черпает он доход или кто снабжает его деньгами.

Вы понимаете, мадам, что на его счет ходят ужасные слухи, по меньшей мере, величающие его антихристом; говорят, что ему пятьсот или шестьсот лет, что он владеет Философским камнем и универсальным лекарством. Коротко говоря, он один из тех Разумов, которые Творец время от времени ниспосылает на Землю в брэнной телесной оболочке.

Даже если и так, этот Разум в наивысшей степени достоин почтения и уважения. Мало приходилось мне видеть душ столь же сострадательных и сердец столь же благих и добрых. Нет человека, который мог бы тягаться с ним в уме и образованности; он знает все языки Европы и Азии, и его красноречие поражает и увлекает даже тех, кто обычно на словах порочит его. Я ничего не стану говорить о его чудесных исцелениях; нужны целые тома, чтобы их описать, хотя, в большинстве случаев, о них можно прочесть и в газетах. Вы только подумайте: из более чем пятнадцати тысяч людей, которых он лечил, даже самые рьяные его ненавистники могут упрекнуть его лишь тремя смертями, в которых, впрочем, он виновен не более, чем, скажем, я.

Прошу прощения, мадам, если я отниму еще несколько минут вашего времени, чтобы посвятить его описанию этого примечательного человека. Я только что вернулся из его гостиной. Вы бы тоже, как и я, пали бы жертвой обаяния этого человека, если бы увидели, как он мечется от одного бедняка к другому, перевязывает им их отвратительные язвы, утоляет их боль, вселяет в души их надежду, даром раздает лекарства, непрерывным потоком изливает на них свои милости, - короче говоря, как из рога изобилия поливает их благом, не имея никакой иной цели, кроме облегчения страданий людям и наслаждения величайшим счастьем на свете, а именно званием земного образа и подобия милостивого Бога.

Представьте себе, мадам, огромный зал, заполненный обездоленными существами, практически лишенными всякой помощи, из последних сил протягивающими слабые истощенные руки к небесам, дабы воззвать к помощи Графа.

Он выслушивает их одного за другим, не забывая и не переспрашивая ни одного слова, затем выходит на пару минут и вскоре возвращается с горой лекарств, которые раздает бесплатно всем этим несчастным, повторяя им снова и снова, как излечиться от их болезней, и заверяя их, что они вылекутся быстро и непременно, если только будут следовать его указаниям. Но одних лекарств было бы недостаточно, ведь им потребен еще и хлеб, чтобы поддержать их силы и помочь преодолеть болезнь; мало у кого из этих людей есть средства к жизни, поэтому кошель Графа раскрывается, и

содержимое его делится между несчастными, и он всем кажется совершенно бездонным.

Он с большим счастьем раздает, чем получает, и радость его проявляется во все возрастающей нежности к пациентам. Эти страдальцы, проникнувшись благодарностью, любовью и почтением, простираются у его ног, обнимают его колени, зовут его своим спасителем, отцом и Господом Богом. У всякого доброго человека сердце переполняется при виде этого умилением и состраданием, слезы текут из глаз, и как ни стараешься скрыть их и спрятать, это не удастся. Всяк зритель начинает плакать, и вот вскоре уже все собрание утопает в слезах умиления, благотворных слезах, коие суть драгоценный дар сердца, чье величественное очарование невозможно выразить словами так, чтобы понял некто не имевший счастья проливать такие слезы.

Это лишь грубый и краткий набросок описания того очаровательного и потрясающего зрелища, которым я только что наслаждался.

Данное описание содержит одну лишь правду и ни капли преувеличения.

Опросите священников местных приходов – и они расскажут, сколько добра я сделал их бедной пастве. Опросите артиллерийский полк и другие военные части, стоявшие в то время в страсбургском гарнизоне – и они расскажут обо всех исцеленных мной солдатах. Подвергните допросу аптекаря, с которым я завел деловые связи – и он расскажет, сколько я заказывал ему лекарств для бедноты, и оплачивал притом в тот же день наличными. Спросите хозяев гостиниц – они расскажут, хватало ли предоставляемых ими помещений, чтобы вместить все потоки страждущих, стекавшиеся ко мне в Страсбурге. Спросите тюремщиков – они расскажут, как я вел себя с бедными заключенными и скольким из них я помог вернуть свободу.

Пусть городские власти, магистрат, пусть все общество скажет вам, послужил ли я хотя бы один раз причиной скандала, нашли ли они среди моих деяний хотя бы одно противоречившее законам, нравственности и религии.

Если во время пребывания во Франции я оскорбил хотя бы одно лицо, пусть он выйдет и свидетельствует против меня.

Все это я пишу не ради возвеличивания себя. Я творил добро потому, что полагал себя обязанным так поступать. Но в конце концов, какую пользу извлек я для себя из всего блага, сотворенного мной французскому народу? В печали сердца своего скажу: клевету, осмеяние и Бастилию!

Уже около года я прожил в Страсбурге, когда, вернувшись домой однажды вечером, я был приятно удивлен, обнаружив у себя шевалье Акино (а читатель наверняка помнит шевалье Акино, с которым я познакомился на Мальте и который сопровождал меня во время первых моих путешествий по Европе; из газет он узнал о моем приезде в Страсбург и направился туда, чтобы повидаться со мной и обновить теснейшие связи нашего бывшего дружества).

Шевалье Акино встретился с властями города и сообщил им, что знал меня по временам проживания на Мальте, а также знал о том, как выделял меня из всех своих знакомых Великий Мастер Пинто.

Вскоре после моего приезда во Францию г-н кардинал де Роан послал барона Мильинена, своего обер-егермейстера, с приглашением явиться к нему, потому что ему было угодно познакомиться со мной. Поскольку мне это показалось со стороны принца лишь проявлением пустого любопытства, я отказался. Но некоторое время спустя он послал сообщить мне, что у него приступ астмы и нужна моя консультация. Я поспешил в его епископский дворец. Сообщив ему, что думаю о его болезни, я увидел, что он удовлетворен, и потом он попросил заходить к нему время от времени. Позднее в том же 1781 году г-н кардинал оказал мне честь, посетив меня у меня дома, чтобы проконсультироваться по поводу болезни его родственника, принца де Субиз. Тот страдал от гангрены, а я, на счастье, уже излечил от этого недуга секретаря маркиза де ла Саль, когда уже все врачи опустили руки. Я задал г-ну кардиналу несколько вопросов о болезни принца, но он перебил меня, горячо прося съездить с ним вместе в Париж. Он просил меня об этом, вложив в свою просьбу столько пыла и учтивости, что было невозможно ему отказать. Я отбыл с ним вместе, оставив хирургу и моим друзьям необходимые распоряжения, чтобы в мое отсутствие больные и бедняки ни в чем не нуждались. Когда мы приехали в Париж, г-н кардинал пожелал сразу отвезти меня к принцу де Субиз, но я отказался, сказав, что я всеми силами стремлюсь избегать прямых столкновений с [медицинским] факультетом и могу осмотреть принца только после того, как врачи признают его неизлечимым.

Г-н кардинал был так добр, что согласился на мои условия и через некоторое время пришел ко мне с известием о том, что принцу, по мнению факультета, полегчало. Я заявил, что не пойду смотреть принца, потому что не хочу присваивать себе славу его излечения, ничего для этого излечения не сделав сам¹⁰.

Когда общество узнало о моем прибытии, повидать меня и испросить моего совета пришло столько людей, что это занимало у меня весь день, и так я прожил тринадцать дней в Париже, осматривая больных с пяти часов утра до полуночи.

Я наладил связи с аптекарем и за свой счет заказывал ему лекарства, которыми он торговал. Я призываю всех, кто общался со мной в то время, в свидетели этого. Если есть на свете человек, который сможет заявить, что смог заставить меня принять хотя бы крошечную сумму денег, или подарок, то я смиренно соглашусь на то, чтобы мне было отказано во всяческом доверии.

Принц Луи [де Роан] отвез меня обратно в Саверн, поблагодарил меня и просил как можно чаще посещать его. Я сразу же вернулся в Страсбург к своей обычной работе.

Сотворенное мной добро принесло мне в ответ немало клеветы и насмешек, меня называли антихристом, Вечным жидом, человеком, прожившим тысячу четыреста лет и т.д.

Устав от стольких оскорблений и душевных ран, я принял решение оставить Страсбург. Но многочисленные письма, которые соблаговолили написать мне министры Короля, принудили меня изменить это решение.

В данном разбирательстве мне видится важным представить взору Судей и общества рекомендации от тех, кто занимает гораздо более

---

¹⁰ Позднее, дождавшись, когда от принца отказались врачи, Калиостро все же взялся за его лечение и добился полного выздоровления.

почетное и достойное положение, чем я, причем также важно, что я никогда не просил о них сам.

Вот некоторые из них.

Копия письма, написанного графом де Верженн, Министром иностранных дел, г-ну Жерару, претору Страсбурга, в Версале 13 марта 1783 г.

Лично я не знаком с г-ном графом де Калиостро, но все сведения о нем за время его пребывания в Страсбурге столь много говорят в его пользу, что человеколюбие требует, чтобы он наконец обрел покой и уважение. Его положение иностранца и те благие дела, в которых он с таким постоянством и такой настойчивостью преуспевает, для меня являются свидетельствами, позволяющими рекомендовать его вам и городскому совету, в котором вы председательствуете. Г-н де Калиостро просит лишь покоя и безопасности, и их гарантирует ему закон гостеприимства. Зная ваше природное расположение, я убежден, что вы предоставите ему возможность насладиться ими, равно как и прочими радостями, которые можно ему обеспечить.

Имею честь оставаться вашим, господин Жерар, смиреннейшим и покорнейшим слугой,

[подписано] Де Верженн

Копия письма, написанного маркизом де Миромениль, Хранителем печатей, г-ну Жерару, претору Страсбурга, в Версале 15 марта 1783 г.

Граф де Калиостро с самого начала пребывания в Страсбурге с усердием трудился на ниве утешения бедных и обездоленных, и мне известно о нескольких деяниях этого иностранца, которые были исполнены человеколюбия и заслуживают оказания ему вами особого покровительства. Я рекомендую вам обеспечить ему, насколько то будет возможно вам и городскому совету, в котором вы председательствуете, защиту и спокойствие, которыми иностранец должен пользоваться в державе Короля, в особенности если он показал себя столь полезным ей.

[подписано] Миромениль

Копия письма, написанного маркизом де Сегюр [Министром по военным делам] г-ну маркизу де ла Саль 15 марта 1783 г.

Добропорядочное поведение, господин маркиз, явленное, насколько мне сообщили, графом де Калиостро с постоянством в Страсбурге, несомненная польза, которую он извлек из своей учености и своих талантов для этого города, а также многочисленные подтверждения его доброты, с которой он помогал многим людям, страдавшим от разнообразных болезней и обращавшимся к нему за помощью, определенно свидетельствуют о том, что этот человек заслуживает защиты со стороны Правительства. Король поручает вам сделать так,

чтобы его не беспокоили в Страсбурге, когда он сочтет возможным и нужным возвратиться туда, а также чтобы в этом городе он мог рассчитывать на внимание к себе, которого он заслужил добром, оказанным бедным и несчастным его жителям.

[подписано] Сегюр

Однако внушенное мне письмами этих министров спокойствие оказалось недолговечным. Основываясь на этих письмах и приказах Короля я решил было окончательно счесть Францию последним своим прибежищем и конечной точкой своих странствий. Мог ли я поверить в то, что лишь два года спустя я буду вотще отстаивать свое и своей несчастной жены священное право на гостеприимство, столь свято почитаемое и столь достойно выраженное в письмах, написанных именем Короля?

Подвергаясь продолжительное время преследованиям со стороны одной лишь группы людей, зная, что преследования эти возобновились и теперь, я решил оставить Страсбург в твердом намерении более не ставить под злобные удары этой группы свою репутацию¹¹. Пребывая в этом настроении, я получил письмо от шеваляе Акино, в котором он писал, что опасно заболел. Я немедленно выехал из Страсбурга, но как ни спешил, в Неаполь я успел только для того лишь, чтобы принять последний вздох моего несчастного дорогого друга.

Через несколько дней о моем прибытии в Неаполь узнали посол Сардинии и еще несколько господ. Подумав, что и здесь тоже меня начнут преследовать за то, что я лечу людей, я принял решение уехать в Англию, с этой целью пересек всю южную Францию и прибыл в Бордо 8 ноября 1783 года.

В театре этого города меня узнал один кавалерийский офицер, который поспешил сообщить обо мне городскому совету. Один из членов последнего, шеваляе Ролан, изволил посетить меня и предложить мне и моей жене от имени своих коллег по совету и своего имени в любое время пользоваться ложей городского совета в театре в любое время, когда нам это будет угодно.

Городской совет и общество устроили мне самый превосходный прием и от всего сердца просили меня посвятить свое пребывание в их городе, как и в Страсбурге, служению болящим. Я позволил себя уговорить и начал консультировать и раздавать лекарства, равно как и денежное вспоможение нищим. Толпы людей в моем доме достигли такого размера, что мне пришлось попросить у городского совета солдат, чтобы они следили за порядком.

В Бордо мне оказали честь своим знакомством г-н маршал де Муши, г-н граф де Фумель, г-н виконт д'Амель и другие достойные люди, вполне заслуживающие доверия, которые могут засвидетельствовать мой образ жизни в этом городе.

Гонения, которым подвергался я в Страсбурге, и которые заставили меня покинуть этот город, настигли меня и в Бордо, и оттуда я через одиннадцать месяцев проживания там выехал в Лион, куда приехал в последние дни октября 1784 г. Но там я прожил всего три месяца, а оттуда возвратился в Париж, куда прибыл 30 января 1785 г. Сперва я

---

¹¹ Барон Гляйхен в своей книге воспоминаний тоже пишет, что преследования Калиостро и клевета в его адрес осуществлялись практически исключительно врачами, не одобрявшими ни его методы лечения, ни то, что он лечил, не взимая платы.

остановился в меблированных комнатах в районе Пале-Рояль, а чуть позже переехал в дом на рю Сен-Клод у Бульвара¹².

Первой моей заботой стало известить всех своих знакомых о том, что я приехал пожить в тишине и покое и более не заниматься медициной. Я сдержал слово и неизменно отвечал отказом на любые предложения такого рода, которые мне постоянно делали.

Принц Луи (де Роан) время от времени оказывал мне честь посещениями. Помню, он однажды предложил свести меня с дамой по фамилии Валуа де ла Мотт, и у него были на это знакомство свои собственные виды.

«Королева, - сказал мне кардинал де Роан, - погружена в глубочайшую меланхолию по той причине, что некто предсказал ей, что она умрет грядущими родами. Мне доставило бы ни с чем не сравнимую радость преуспеть в избавлении ее от этой мысли и возвращении ее воображению покоя. Мадам видится с королевой каждый день, и вы сделали бы мне величайшее одолжение, если бы вы, когда она спросит вашего мнения, ответили бы, что Королева счастливо разрешится принцем».

Я с радостью согласился помочь г-ну кардиналу, потому что, помогая ему таким образом, я оказывал косвенно благотворное влияние на здоровье Королевы.

На следующий день, придя в гостиницу, где остановился кардинал, я обнаружил там графиню де ла Мотт, которая после обычного светского разговора сказала следующее:

«В Версале у меня есть знакомая высокого положения, которой один человек предсказал, как и другой даме, что обе они умрут при родах. Одна из них уже умерла, а вторая ожидает родов вскоре и пребывает в жесточайшей тревоге. Если вы имеете возможность узнать наверняка, что с нею будет, и если вы полагаете возможным это где-нибудь узнать и рассказать мне, то я поеду обратно в Версаль завтра и передам ваш ответ заинтересованному лицу».

«И это лицо, - добавила она, - Королева».

Я ответил графине де ла Мотт, что все подобные предсказания суть глупость и что ей следует, кроме того, передать этой даме, что той надлежит предать себя в руки Предвечного, особенно ввиду того, что первые ее роды прошли успешно и ничто не препятствует тому, чтобы и в этот раз все обошлось.

Графиня де ла Мотт, однако, не удовлетворилась этим ответом и настойчиво пыталась вытянуть из меня что-то более определенное.

Я вспомнил об обещании, данном принцу де Роану, и весьма суровым и мрачным тоном сказал графине де ла Мотт со всей величайшей серьезностью, на какую был способен:

«Мадам, вы знаете, что я обладаю некоторыми познаниями в медицинской физике, а также в некоторой степени владею Животным Магнетизмом. Мое мнение таково, что в такой ситуации лучше всего поручать любые действия человеку невинному, ибо ему удастся то, что не удастся никому более. Поэтому вам следует озаботиться поисками невинного человека».

---

¹² Бульвар Сен-Антуан, в наше время – бульвар Бомарше в 3-м округе Парижа. – Прим. перев.

Графиня ответила: «Коль у вас нужда в невинном человеке, то у меня есть племянница, обладающая этим свойством в избытке. Завтра я привезу ее сюда». Честно признаться, я полагал, что речь идет о ребенке лет пяти-шести, поэтому был весьма удивлен, обнаружив следующим вечером в гостинице у принца юную даму четырнадцати-пятнадцати лет и выше меня ростом.

«Вот олицетворение невинности, - сказала мне графиня, - о котором я вам говорила». Мне потребовалось некоторое время, чтобы собраться с силами и не рассмеяться. Но в конце концов я взял себя в руки и сказал девушке, мадемуазель де ла Тур: «Мадемуазель, правда ли, что вы невинны?». Она ответила мне: «Да, сударь», - и в ее голосе было больше напора, чем уверенности. «Что ж, мадемуазель, через мгновение я удостоверюсь в этом, так что положитесь на Бога и свою невинность, - ответил я. - Встаньте за этот экран, закройте глаза и подумайте о самой желанной для вас вещи. Если вы невинны, вы увидите то, что желаете видеть, но если нет, то не увидите ничего».

Мадемуазель встала за экран, а мы с принцем остались снаружи. Последний стоял, прислонившись к камину, отнюдь не в мистическом экстазе, как позднее утверждала мадемуазель де ла Тур, а прикрыв рот ладонью, дабы не помешать нашим исполненным торжественной мрачности церемониям не приличествующим случаю смехом.

Когда мадемуазель де ла Тур встала за экран, я приступил к магнетическим пассам, которые проделывал несколько секунд, а затем обратился к ней:

«Топните невинной ногой об пол один раз и скажите, что видите».

«Я ничего не вижу», - ответила она.

«Что ж, мадемуазель... - сказал я и внезапно сильно ударил кулаком по экрану: - Значит, вы не невинны!».

При этих словах мадемуазель де ла Тур воскликнула, что как раз увидела Королеву.

Я понял, что невинная племянница заранее получила совет, как себя вести, от своей тетушки, в которой невинности было еще меньше. Желая узнать, как она дальше собирается играть свою роль, я попросил ее описать увиденное. Она сказала, что видела даму в счастливом положении, закутанную в белые ниспадающие одежды, а затем стала описывать черты лица, и ясно стала, что она говорит о Королеве.

«Спросите эту даму, - сказал я, - счастливо ли она разродится?»

Она ответила, что фантомная дама кивнула головой и сказала, что избавится от бремени легко и без опасных последствий для здоровья.

«Тогда приказываю вам, - продолжал я, - почтительно поцеловать руку этой дамы». Образ невинности поцеловал свою собственную руку и выплыл из-за экрана, вполне удовлетворенный тем, что нас удалось убедить в его невинности.

Тетя с племянницей поели цукатов, попили лимонада и через четверть часа удалились через отдельный выход. Принц проводил меня домой и поблагодарил за то, что я согласился исполнить его просьбу, премного его этим обязав. Так и закончилась эта комедия, сама по себе столь же невинная, сколько достойной всяческой похвалы была ее конечная цель.

Три или четыре дня спустя и снова гостил у г-на кардинала, там же была графиня де ла Мотт, и вместе они попросили меня проделать этот

номер снова, на этот раз с маленьким мальчиком лет пяти-шести, и я оказался не в силах отказать им в этой небольшой просьбе. Я и предположить не мог, что этот салонный розыгрыш будет впоследствии ославлен перед Общественным прокурором как акт колдовства, кощунства и святотатства в отношении таинств Христианства.

Познакомив меня с графиней де ла Мотт, принц спустя какое-то время спросил моего мнения о ней. Я всегда полагал, что располагаю достаточными познаниями в физиогномике, чтобы судить о людях, и я ответил принцу, что полагаю графиню хитрой и лукавой. Но принц перебил меня, сказав, что она честная женщина, хотя и пребывает в величайшем отчаянии, вызванном бедностью. Я ответил, что даже если то, что она говорит ему, правда, она остается протее Королевы и значит, скоро ее положение улучшится и ей не будет больше нужды искать иного покровительства.

Мы с принцем остались каждый при своем мнении. Вскоре он уехал в Саверн, где остановился на месяц-полтора. По возвращении оттуда он навещал меня у меня дома чаще, чем прежде. Я заметил, что он погружен в раздумья, печален и беспокоен. Я с уважением отнесся к тому, что, возможно, мне не следовало знать о причинах его озабоченности, но всякий раз, когда в разговоре упоминалось имя графини де ла Мотт, я говорил ему с обычной своей прямоотой: «Эта женщина обманывает вас».

Дней за пятнадцать до ареста он сказал мне: «Дорогой граф, я начинаю верить в то, что вы правы, что мадам Валуа – обманщица». После этого он впервые поведал мне историю об алмазном ожерелье и рассказал о возникших у него подозрениях и страхе, что ожерелье действительно могло быть не доставлено Королеве. Это побудило меня более горячо, чем обычно, настаивать на своем мнении об этой женщине.

На следующий день после этого разговора принц сообщил мне, что граф и графиня де ла Мотт искали у него убежища из страха последствий известного мне дела и просили его выписать им рекомендательные письма для представления в Англии или в Рейнских землях.

Принц спросил, что я думаю по этому поводу, и я сказал ему, что здесь может быть только один выход: сдать эту женщину в полицию, а потом пойти и изложить все факты Королю или его Министрам. Принц возразил, говоря, что доброта и великодушие его сердца восстают против столь жестокого решения.

«В таком случае, - сказал я, - вам остается лишь уповать на Бога. Предоставьте действовать Ему, и я убежден, что Он вас не подведет».

Г-н кардинал де Роан не пожелал дать графу и графине де ла Мотт рекомендательные письма, о которых они просили, и они выехали в Бургундию, и больше я никогда про них не слышал.

15 августа я узнал вместе со всем Парижем, что г-н кардинал де Роан арестован. Несколько человек поспешили предупредить меня, что могут арестовать и меня как друга кардинала. Уверенный в своей невинности, я отвечал, что мне некуда бежать и что я стану терпеливо ждать у себя дома исполнения любой воли Господа и Правительства.

22 августа в полвосьмого утра комиссар, унтер-офицер и восьмеро полицейских вошли в мой дом. Погром начался прямо в моем присутствии. Меня заставили открыть все секретеры и конторки, а все мои эликсиры, бальзамы и драгоценные настойки стали добычей полицейских, которым доверили мое сопровождение.

Я просил комиссара, г-на Шенона-младшего, позволить мне воспользоваться моим экипажем, но он бесчеловечно отказал мне даже в этой мелочи. Меня тащили по городу пешком, на виду у всех, подороги до Бастилии, и только на половине пути к нам подъехала обшарпанная карета, и мне была оказана милость тем, что я получил право в нее сесть. Потом опустили подвесной мост, и я оказался в заключении.

Моя жена подверглась такому же обращению. Здесь я останавлиюсь и не стану описывать все то, что довелось мне пережить. Я пощажу чувства читателя, отказавшись от описания картины столь же ужасной, сколь возмутительной. Я позволю себе сказать лишь одно, и я призываю Небо в свидетели, что слова мои истинны. Если бы мне был предоставлен выбор между мимолетной болью казни и полугодом в Бастилии, я без колебания сказал бы: «Ведите меня на плаху!».

Поверит ли кто-нибудь в то, что невинность может пасть жертвой столь трагической судьбы, что положение *prise de corps* впору почитать чуть ли не посланным Небесами счастьем?

Таково мое положение. Через пять месяцев пленения я получил наконец уведомление об изданном на мой счет указе, и пристав явился предо мной подобно Ангелу Небесному, снизошедшему в мое узилище, дабы возвестить мне о праве на адвоката и на защиту своих чести и свободы.

Указ датирован 15 декабря и оглашен мне 30 января, и в тот же день я подвергся допросу. Я полагаю, что обязан, в силу данного мной обязательства явить всем свой истинный облик во всей полноте, представить обществу текст этого допроса, ведь он дает точное представление о моем характере, моей невинности и сути возводимых на меня обвинений. Все написанное здесь записано по памяти, но память у меня хорошая, и я могу заверить читателей в том, что здесь не пропущено ничего важного.

Протокол допроса графа де Калиостро 30 января 1786 года

Вопрос: Каков ваш возраст?

Ответ: 37 или 38 лет.

В.: Ваше имя?

О.: Александр Калиостро.

В.: Место рождения?

О.: Не могу сказать точно, родился ли я в Медине или на Мальте; со мной всюду путешествовал наставник, который сообщил мне, что я благородного происхождения и что я потерял отца и мать в возрасте трех лет и т.д.

В.: Сколько времени вы в Париже?

О.: Я прибыл сюда 30 января 1785 г.

В.: Где вы поселились по приезде?

О.: В Пале-Рояль, в меблированных комнатах, и там я прожил около двадцати дней.

В.: Когда вы прибыли в город, были ли у вас средства на обживание?

О.: Более чем достаточные, я привез с собой почти все для этого необходимое.

В.: Где вы поселились?

О.: На рю Сен-Клод близ Бульвара.

В.: На кого записан этот дом, на вас или на принца?

О.: Я попросил г-на де Карбоньер прочитать договор, потому что ранее я никогда и нигде в мире с этим не сталкивался. По этой же причине я попросил г-на де Карбоньер сделать все необходимые распоряжения и уладить вопрос с отделкой дома, арендой экипажа и т.д. и т.д. Время от времени я снабжал его суммами, потребными для оплаты различных расходов, о которых он мне затем отчитывался.

В.: За чей счет вы существовали?

О.: Только и исключительно за свой.

В.: Но принц же ходил к вам обедать?

О.: Пусть он и приходил в мой дом, все равно все расходы оплачивал я. Иногда, впрочем, когда он приходил на обед и приводил с собой друзей или протеже, он просил их приносить из его дома пару кушаний. Но в любом случае, несмотря на это, я никогда не забывал оплачивать своему повару все сделанные за день покупки.

В.: Вы встретились с принцем сразу по приезде?

О.: Нет, лишь два или три дня спустя.

В.: Что он вам сказал, когда вы встретились в первый раз?

О.: Он убеждал меня осесть в Париже и больше не путешествовать.

В.: Принц приходил к вам обедать каждый день?

О.: Поначалу он редко приходил на обед, но затем стал бывать у меня по три-четыре раза в неделю.

В.: Вы были знакомы с женщиной по фамилии ле Мотт?

О.: Конечно. Впервые увидев меня, она сообщила, я мог видеть ее в мужской одежде у своего порога в Страсбурге, мол, она тогда спросила у меня, известно ли что-нибудь о маркизе де Буленвийере, а я якобы ответил, что он в Саверне, и тогда она в тот же день поехала догонять его.

В.: Видели ли вы ее с тех пор в доме принца?

О.: Определенно да.

В.: Была ли она там со своей племянницей?

О.: Нет.

В.: Однако же вы устраивали представление с ее племянницей, не так ли?

О.: Позвольте изложить вам всю историю... (см. изложение выше)

В.: Утверждают, что вы навесили на шею девушке распятое и облачили в ленты черного, зеленого, красного и других цветов, а также фартук с серебряной бахромой, а затем заставили вышеупомянутую девушку преклонить колени и принести клятву.

О.: Это неправда. Я могу только припомнить, что принц действительно украсил девушку парой лент, просто чтобы сделать ей приятное. Также я вспомнил, что в кармане у меня внезапно обнаружился фартук обычного масонства, но не припоминаю, чтобы его надевали на девушку. Полностью полагаюсь на память принца в вопросе, надевали его на девушку или нет: что он скажет, то я и признаю правдой.

В.: Вы возлагали на девушку шпагу – хотя я не представляю себе, как именно?

О.: Вряд ли я понимаю, о чем идет речь, но поскольку моя шпага была при мне, я мог ее и вынуть.

В.: А применительно к принесению клятвы?

О.: Это неправда. Я уже сказал вам, зачем я делал все, что я делал в связи с этим делом.

В.: Правда ли, что после второго представления и ухода девушки по его окончании вы перешли вместе с принцем и мадам де ла Мотт в соседнюю комнату, в центре которой были кинжал, кресты Св. Андрея, меч, распятия, Иерусалимские кресты, *Agnus Dei* и перед ними – зажженные свечи общим числом тридцать, создававшие очень яркое освещение. Там вы привели мадам де ла Мотт к присяге, утверждая, что она обязана поклясться никому и ничего не рассказывать о том, что ей будет явлено. А потом вы сказали принцу: «Ну что же, принц, возьмите, что положено...», - и он открыл свою секретер, из которого достал овальную шкатулку белого дерева, заполненную бриллиантами в россыпи. Затем вы добавили: «Обратите внимание, принц, есть и еще одна, о которой вы осведомлены». Тогда принц взял ее и сказал мадам де ла Мотт: «Мадам, я даю вам шесть тысяч франков и эти алмазы, которые вы должны передать своему мужу вместе с поручением тайно отправиться в Лондон, чтобы продать их или поместить в оправу. Он не должен возвращаться, пока все не сделает, как нужно».

О.: Всё это – ложь, еще раз ложь и несомненная ложь, и у меня есть доказательства того, что это ложь.

В.: Что это за доказательства?

О.: Во-первых, каждый раз, когда я занимался этими магнетическими упражнениями, именно г-н де Карбоньер приготавливал комнату и затем, после окончания второго представления, он ввел уважаемого человека, чье имя я не хочу называть. Но принц скажет вам, кто это был, хотя я и поторопился назвать уважаемым человека, совершившего такой поступок. Принц Луи и оба эти человека могут вам откровенно рассказать, что было в той комнате, а там не было ни кинжала, ни крестов, ни свечей, и слуги засвидетельствуют, что освещение во всех комнатах было лишь обычное.

В.: Правда ли, что вы сказали принцу, или дали ему понять, что его сделают королевским министром?

О.: Это неправда. Я всегда советовал ему оставить Париж и удалиться в Северн, поскольку он сумеет сделать больше добра, живя там спокойной жизнью.

В.: Правда ли, что вы говорили принцу, или давали ему понять, что ваша жена состоит в близкой дружбе и является доверенным лицом Королевы и состоит с нею в ежедневной переписке?

О.: Черт возьми (*Parbleu!*)! Это печально слышать. Если принц так сказал, то при всем уважении, которое я к нему испытываю, я лишь могу заявить, что это заявление ложно.

Затем г-н дознаватель показал мне записку и спросил:

В.: Вам знакома эта записка? Да или нет?

О.: Мне не известно, что здесь написано, и мне не знаком этот почерк. Мы с женой никогда не были в Версале, мы никогда не имели чести быть представлены Королеве и мы ни разу не выезжали из Парижа со времени прибытия сюда. Кроме того, поскольку моя жена не умеет писать, как это вообще возможно? (Часто случается, что римские дамы, даже отличного воспитания, не умеют писать. Это

особая предосторожность, известная их воспитателям: так им помогают избегать неподобающих любовных связей.)

В.: Давал ли принц когда-либо бриллианты вам или вашей жене?

О.: Ни о чем подобном мне не известно, за исключением следующего. Будучи в Страсбурге, я носил весьма примечательную трость с набалдашником, в котором был репетир, украшенный бриллиантами. Я подарил ее принцу. В обмен он предложил мне другие драгоценности, но я отверг их, потому что мне всегда больше удовольствия доставляло дарение, чем прием подарков. Действительно, на каждый день рождения моей жены принц делал ей небольшие подарки, но, полагаю, они исчерпываются нижеследующим: подвеска «Святой Дух», рамка для моего портрета из маленьких бриллиантов (которыми заменили ранее там вставленные жемчужины), маленькие часы с цепочкой из маленьких бриллиантов, из которых пять были немного больше других. Прочие же мои бриллианты хорошо известны при европейских дворах, где мне довелось побывать. Доказательства этого легко найти. Сейчас я в Бастилии, как и моя жена, как и мое достояние. Вам стоит только проверить и убедиться в моей правоте самому.

В.: Но у вас же большие расходы: вы много отдаете и ничего не берете себе. Вы платите всем и за все. Откуда же вы берете деньги?

О.: Этот вопрос не имеет отношения к текущему делу, но я буду рад дать вам удовлетворение. Какой смысл допытываться отпрыск ли я монаршего рода или родился в бедной семье, почему я путешествую, не желая придавать свою личность известности? Какой смысл дознаваться, как я добываю свои деньги, если уж я всем и за все плачу? Коль скоро я почитаю религию и законы, коль скоро я за все честно плачу, коль скоро я творю одно только благо и никакого зла, вопрос ваш выглядит не столь уж необходимым и совершенно неподобающим. Вы должны знать, что я всегда пользовался возможностью, и с удовольствием, не удовлетворять любопытство толпы в этом вопросе, даже в то время, когда обо мне распускали слухи, что я, мол, Антихрист, Вечный Жид, человек 1400 лет от роду, Неведомый Философ, - короче, все те мерзости, которые может изобрести злоба людей порочных. Я с радостью клятвенно заверяю вас, что раскрою вам мои источники дохода, которые не раскрывал доселе никому. Суть в том, что как только я оказываюсь в какой-либо стране, у меня появляется банкир, готовый обеспечить меня всем необходимым в счет будущего обязательного возмещения. Например, во Франции это Саррасен из Базеля, который выдает мне любые суммы, которые могут понадобиться; а в Лионе есть г-н Санкостар, который поступает так же. Однако я всегда просил этих господ никому не говорить, что они мои банкиры. У меня есть и другие источники дохода, которые происходят от известных мне вещей.

В.: Показывал ли вам принц записку с подписью Марии-Антуанетты Французской?

О.: Полагаю, за 15 или 20 дней до своего ареста он показывал мне записку, о которой вы говорите.

В.: Что вы о ней сказали?

О.: Я сказал, что думаю, что это не что иное, как доказательство подлога со стороны мадам де ла Мотт, которая во всем обманывает

принца. Действительно, я всегда призывал принца поостеречься, общаясь с ней, поскольку она женщина порочная и злонамеренная, однако принц не желал прислушаться ко мне. Я всегда считал эту записку подложной.

В.: Посмотрите на эту записку и скажите, та ли это записка, о которой шла речь.

Затем г-н дознаватель показал мне записку, на которой значилось имя Марии-Антуанетты Французской, но я заметил, что она испещрена цифрами и ответил:

О.: Я не могу засвидетельствовать, что это та же самая записка, потому что этих цифр я на ней не видел.

В.: Вы имеете право знать, что эти цифры нанесены нами.

О.: Мне это все равно. Честью клянусь, что не могу засвидетельствовать, та ли это самая записка. Дело в том, что я посмотрел на нее тогда лишь мельком, потому что это было не мое дело, а значит, мне не было дела также и до того, подлинная она или подложная.

В.: Правда ли, что до ареста и посещения в Бастилию вы собирались приобрести дом за сто пятьдесят тысяч франков?

О.: Нет, это неправда. Я помню, что однажды, пока мой парикмахер причесывал меня, какие-то люди заговорили со мной по поводу летнего дома, который группа моих друзей хотела приобрести для себя, и я ответил, что заберу его себе. Но я более не возвращался к этой теме и считал этот разговор просто светской болтовней. Люди, желавшие приобрести этот дом, - это г-н де Бонди и другие.

Когда я вспомнил это последнее обстоятельство, допрос был уже завершен, и г-н дознаватель не посчитал нужным включить этот ответ в официальный протокол.

После того, как я рассказал о себе, я перехожу к ранее данному мной обещанию ответить на оскорбительные обвинения, которые позволила себе выдвинуть против меня графиня де ла Мотт. Это занятие будет для меня столь же утомительным, сколь и скучным для публики. Однако я, тем не менее, тщательно и подробно исполню сей долг, прося читателей, которые знают меня и которые готовы отстаивать мою правоту и честь, пропустить и не читать следующую далее часть.

Опровержение той части Мемуара графини де ла Мотт, где говорится о графе де Калиостро

Далее следует отрывок из Мемуара. Графиня начинает свое обличение так (С. 3):

На ваше сужденье представляется один из тех людей, кого невежественная толпа именует выдающимися, Эмпирик, Мечтатель о Философском Камне, Лжепророк тех сект, в которых, по его же словам, он обучался, Профанатор единственной истинной веры, самозванный Граф де Калиостро. Да, став хранителем (от г-на де Роана) прекрасного Ожерелья, Калиостро разрезал его на части, дабы с его помощью увеличить свое и так немислимое тайное сокровище.

Что бы кто ни говорил о стиле, в котором исполнена апология графини де ла Мотт, в том, что она умудрилась вписать столько оскорблений в столь малое пространство, содержится весомое преимущество. И пусть я и не беру на себя роль цензора и редактора грамматических погрешностей ее сочинения, и я даже вообще пропустил бы это высказывание мимо ушей, удовлетворившись разве что поправив чисто грамматическую ошибку¹³, если бы графиня де ла Мотт в свое сочинении сохранила бы уважение к приличиям и истине.

Давайте же перейдем к оскорблениям.

Эмпирик в искусстве целительства людей

Я часто слышал это слово в устах определенных людей, но я никогда не удостоился чести узнать, что именно они имели в виду. Если они желали таким образом описать человека, который, не будучи официально врачом, обладает познаниями в медицине, навещает больных и не берет за свои визиты платы, который исцеляет нищих точно так же, как богатых и не получает за это ни с кого денег, то в таком случае я должен признать, что принимаю присущие этому званию честь и долг.

Низкий алхимик

Будь я алхимик или нет, но определение «низкий» пристало лишь тем, кто пресмыкается и просит. Все знают, просил ли когда-нибудь граф де Калиостро у кого-либо милостей или крова.

Мечтатель о Философском Камне

Каково бы ни было мое мнение о Философском Камне, я никогда не говорил о нем на публике, и общество было избавлено от необходимости выслушивать мои суждения о нем.

Лжепророк и т.д.

Я не всегда был таким. Если бы г-н кардинал де Роан поверил моему предсказанию о лживости г-жи графини де ла Мотт, ни он ни я не оказались бы ныне в том положении, в котором мы пребываем.

Профанатор единственной истинной веры

А вот это посерьезнее. Я всегда почитал Религию. Я передаю жизнь мою и все ее внешние сопутствующие обстоятельства на исследование (*inquisition*) Закона. Что же касается внутренней жизни моей, то лишь Бог один может требовать у меня о ней отчета.

Самозванный граф де Калиостро

Я пронес имя Калиостро по всей Европе. О моем графском достоинстве и его подлинности всякий может судить по образованию, которое я получил, и по уважению, которым я пользовался со стороны Муфтия Салахаима, Шерифа Мекки, Великого Мастера Пинто, Папы Реццонико и большей части властителей Европы.

---

¹³ Графиня пишет *thresor* вместо *tresor* – «сокровище».

Хранитель прекрасного Ожерелья

Я никогда не был хранителем прекрасного Ожерелья. Я его даже ни разу не видел.

Калиостро разрезал его на части, дабы с его помощью увеличить свое и так немислимое тайное сокровище.

Если судьба моя столь поразительно счастлива, что я являюсь обладателем «немислимого тайного сокровища», вряд ли мне нужно было бы распиливать ожерелье, чтобы увеличить его.

Если человек достаточно богат и достаточно велик, чтобы всю свою жизнь пренебрегать милостями августейших особ и отвергать даже те подарки, которые обычный человеческий сорт вполне спокойно принимает, ничем не унижая своего достоинства, он не может утратить всю честь свою и все достоинство безупречной жизни в единый миг. Он не может моментально пасть с высот княжеского величия до постыдных деяний, к которым способны принудить человека лишь исключительное отчаяние или глубочайшая порочность.

Однако графиня де ла Мотт продолжает:

Дабы сокрыть свою кражу, Калиостро повелел г-ну де Роану, властью, которую имел над ним, распорядиться, чтобы графиня де ла Мотт занялась ожерельем, разобрала его и отдала в оправку часть камней из него в Париже, а остальные камни чтобы ее муж отвез для того же в Англию.

Намерение графини де ла Мотт при изложении этой истории, совершенно, впрочем, невероятной, состоит в том, чтобы оскорбить и насмеяться над г-ном кардиналом де Роаном, который выставляется здесь не моим другом, но рабом, повинующимся моей воле, даже если я приказываю ему стать соучастником преступления, кражи, прибыль от которой достанется одному лишь мне. И он якобы без тени сомнения подчиняется мне.

Это заявление, в одно и то же время и бессмысленное, и непристойное, не заслуживает серьезного ответа.

Однако оно может иметь значение для рассматриваемого дела, поскольку в нем содержится формальное подтверждение того, что часть бриллиантов, извлеченных из ожерелья, была продана во Франции графиней де ла Мотт, а другая их часть была продана в Англии.

На странице 23 Мемуара графини де ла Мотт мы видим следующее утверждение:

Таковы обширные планы Калиостро, пусть и завуалированные поначалу, которые развиваются замыслами, исполнениями и результатами, впрочем, одинаково смертоносными для кардинала и госпожи де ла Мотт.

Развитие, о котором пишет здесь графиня де ла Мотт, эти обширные планы, которые сперва завуалированы, а потом развиваются замыслами, а также развиваются некими исполнениями, и даже развиваются какими-то результатами, - так вот, это развитие потребовало бы не менее года неустанных усилий, прежде чем я с

полным правом мог бы назвать себя владыкой ожерелья. Но как совместить это с фактами?

Я впервые приехал в Париж в 1783 году, но пробыл здесь всего тринадцать дней, с утра до ночи леча больных. Определенно не в тот приезд я затеял эту интригу. Хорошо, давайте проверим, не мог ли я замыслить ее в последний приезд.

В жалобе, переданной мне Генеральным прокурором, говорится, что переговоры по делу об ожерелье прошли в конце января 1785 года. Также в ней говорится, что ювелиры поставили формулы своего согласия и свои подписи внизу документа, представленного кардиналом, а также что ожерелье было доставлено утром первого февраля. Я прибыл в Париж (и это легко проверить) 30 января 1785 года в девять часов вечера. Таким образом, к моменту моего приезда уже все события в связи с этим делом успели произойти, за исключением доставки ожерелья, которая имела место тридцать шесть часов спустя.

Во время вышеуказанных переговоров я был в Лионе; в момент появления подложной «королевы» я был в Бордо, в роще Трианон. Неужели я пожелал бы и успел бы съездить в Париж, чтобы сжать урожай затеянной не мной интриги?

Какая чушь!

Тем не менее издается указ о моем аресте, и все последние шесть месяцев своды Бастилии эхом отражают мои стоны и стоны моей несчастной жены. И все это время вопли униженной невинности не могут достигнуть ушей справедливейшего из Королей.

Но продолжим о клевете. Якобы доказав необходимость моего ареста и обращения со мной как с обманщиком, существом низшего порядка и т.д., графиня высказывается следующим образом:

Что он ответит на первый вопрос следствия? Имя, фамилия, титулы? Что за женщина приставлена следить за его богатством, то есть кто такая графиня де Калиостро?

Итак, адвокату графини де ла Мотт недостаточно было оскорблять меня и клеветать на меня. Теперь он решил напасть на меня, ударив по самому больному и незащищенному месту. Он ищет средств опорочить мою жену. Я мог бы простить любой выпад, направленный против меня самого, но против моей жены!.. Что она ему сделала? Что она сделала графине де ла Мотт? Как может известный в обществе человек чести позволять себе ронять ее, наполняя горечью сердце невинной и добродетельной женщины, ни в коей мере не враждебной ни ему, ни его подзащитной, против которой нет ни одной жалобы, никакого указа, которую он не может упрекнуть ни в чем, кроме несчастья связать судьбу со мной?

Что же касается подтверждений законности наших брачных уз, которых они, по их мнению, имеют право у меня требовать, я готов их обнародовать, если это будет необходимо, как только обрету свободу перемещения и свободу распоряжаться своими документами. Графиня де ла Мотт осмеливается утверждать, что один из моих слуг похвально тем, что состоит у меня в услужении 150 лет, что я неоднократно заявлял, что мне 300 лет от роду, а иногда – что будто бы я присутствовал на свадьбе в Кане. По этой причине я якобы и

затеял непристойную пародию на трансмутацию сверхъестественного элемента, решив разобрать ожерелье на сотни частей, а затем передать его вновь в целости августейшей Королеве. Также иногда [утверждается], что я португальский еврей, а иногда – что грек или египтянин из Александрии, откуда я, мол, и привез в Европу тамошние аллегории и колдовство; что я один из тех невероятных розенкрейцеров, которые беседуют с умершими, что я лечу бедняков бесплатно, чтобы дорого продавать бессмертие богатым; что общество мое состоит из визионеров всякого сорта. И наконец, она завершает свое «изобличение» тем, что дает понять, что я совершал всякие предосудительные поступки при европейских дворах, о чем имеет какие-то сведения госпожа Бомер.

Читатель может положиться на мое слово в том, что я не стану подробно отвечать на этот поток оскорблений и нелепостей.

Я уже писал, что получил образование и воспитание как сын христианских родителей. Я никогда не был ни иудеем, ни магометанином. Две эти религии накладывают на своих приверженцев некие неизгладимые отпечатки. Правдивость моих слов может быть легко доказана, и чем оставлять хотя бы тень сомнений относительно этого, я готов подвергнуться осмотру, гораздо более постыдному для тех, кто может его потребовать, чем для того, кто, собственно, будет ему подвергнут.

Более того, я настаиваю на том, чтобы графиня де ла Мотт пояснила, какие именно предосудительные деяния она мне приписывает. Пусть она бесстрашно укажет мне того богача, которому я продал бессмертие. Пусть она снизойдет до подробного описания какого-либо моего деяния, оставившего по себе дурную славу при каком-либо европейском дворе. И что важнее всего, я настаиваю, чтобы она пояснила, какие именно мои злонамеренные поступки известны госпоже Бомер.

Если графиня де ла Мотт полагает достаточным очернять меня в неопределенных и смутных выражениях, допуская при этом коварные умолчания и ничем не отвечая на официально предъявленные ей обвинения, я заявляю ей раз и навсегда, что у меня заготовлен на все ее оскорбления и умолчания в прошлом, настоящем и будущем один лаконичный ответ, энергичный и ясный, в свое время уже ранее использовавшийся автором «Провинциала» в похожем случае в отношении могущественного общества, ответ, который учтивость запрещает мне изложить на французском языке, но который, я убежден, господа адвокаты графини де ла Мотт смогут ей растолковать, и ответ этот – «*Mentiris impudentissime!*»¹⁴.

Далее госпожа де ла Мотт пересказывает на свой собственный манер историю о воздействии на свою племянницу магнетизмом, при этом прибавляя к ней множество обстоятельств, целиком ею вымышленных и вплетаемых в общую ткань повествования об ожерелье с удивительной нестройностью и множеством нестыковок и натяжек, которые она даже не берет на себя труд скрывать. Она вкладывает в уста кардинала де Роана, академика и придворного, слова, исполненные столь отвратительного коварства, что последний

---

¹⁴ Бесстыднейшая ложь! (лат.) – цитата из «Писем к провинциалу» (1656) Блеза Паскаля. – Прим. перев.

лакей не смог бы их произнести, не покраснев. Она якобы слышала за экраном звуки поцелуев, которыми будто бы обменивались благой ангел и ее племянница. А на столе, по ее утверждению, были навалены предметы, по меньшей мере, могшие вызвать смертельный ужас. Там якобы были скрещенные мечи, ленты разных цветов, кресты разных орденов, кинжал и графин необычайно чистой воды. В качестве описания предельной степени ужаса она приводит следующие слова:

Это мрачное зрелище освещалось поразительным светом.

Далее, по ее словам, за всей этой поражающей воображение сценой последовало то, что я привел графиню де ла Мотт к присяге хранить случившееся в тайне, а потом приказал принцу пойти и принести большую белую шкатулку. Он затем открыл ее и поручил графине де ла Мотт продать и передать для продажи своему супругу некоторое количество бриллиантов.

Тут или сочтешь, что графиня де ла Мотт совершенно потеряла рассудок, или посчитаешь, что она настолько глубоко убеждена в легковерии своих судей, что надеется выпутаться из этого дела, распуская подобные нелепые слухи.

Ранее, на странице 40 своего Мемуара и последующих страницах, я уже рассказывал, как так получилось, что я оказался вовлечен в эту историю, а также изложил свои вполне добросовестные мотивы. Г-н принц Люксембургский¹⁵ и г-н де Карбоньер могут засвидетельствовать, в случае необходимости, правдивость ответов, данных мной на допросе.

«Первого и второго августа, - пишет она, - г-н кардинал показал графине де ла Мотт небольшую записку, края которой он предварительно завернул сверху и снизу, так, чтобы можно было прочесть только написанное посередине. Госпожа де ла Мотт прочла (на это следует обратить внимание): «Я посылаю с маленькой графиней...» - далее следовал ряд цифр, которые госпожа де ла Мотт не смогла свести в общую сумму. И далее она прочла: «...чтобы утихомирить этих несчастных нечестивцев; мне было бы жаль, если бы они оказались в нужде». Прочтя это, г-н де Роан воскликнул: «Неужели она обманула меня, эта маленькая графиня? Но это невозможно, я слишком хорошо знаю г-жу де Калиостро».

Здесь не может быть двух мнений: тут впору предположить, что присутствуй там сама графиня де ла Мотт, именно ей могли быть адресованы слова: «Неужели вы обманули меня? Ведь я слишком хорошо знаю г-жу де Калиостро».

Одни лишь басни, никаких доказательств, никакого правдоподобия. Что хотела графиня де ла Мотт выразить этими нелепицами? Кому было адресовано это письмо? Она не пишет о его адресате. Тогда кем оно было написано? Моей женой? Но она не умеет писать, о чем я уже сообщал ранее. Мною? Но я крайне редко пишу по-итальянски и никогда – по-французски. Г-ном кардиналом де Роаном? В таком случае зачем было бы ему читать графине де ла Мотт часть письма,

---

¹⁵ Анн-Шарль Сигизмунд де Монморенси-Люксембург, десятый герцог де Пине, заместитель Великого Мастера Великого Востока Франции и главный администратор послушания в 1773-1789 гг. – *Прим. перев.*

пряча при этом от нее остальное? Что значит это восклицание после прочтения трех-четырёх слов из им же самим написанного письма? Что это за обман, в котором он мог тогда заподозрить мою жену? Почему, говоря о ней, он сначала называет ее с фамильярностью «маленькой графиней», и тут же – с почтением, «госпожа де Калиостро»?

Совершенно ясно, что в этой части своего Мемуара графиня де ла Мотт пыталась вменить в вину моей жене совершение аферы, о которой та никогда не имела ни малейшего представления, дабы сразу все обвинения свалились на мою голову.

И вот как графиня де ла Мотт завершает свою пространную диатрибу:

Этот человек должен знать, что пусть в наш образованный век просвещенные Трибуналы уже давно не приговаривают к смертной казни за колдовство в самом прямом смысле этого слова, все равно эти Трибуналы выносят свои суждения, когда колдовство сопровождается ведьмовством, кражами и подлогами, а превыше всего – когда все это умножается учеными и в школах.

Таким образом, графиня де ла Мотт выражает сожаление о том, что живет не в то счастливое время, когда обвинение в колдовстве возвело бы меня на костер. Затем она силится представить меня человеком, наставляющим ученых в колдовстве и дающим им уроки воровства и подлога. Кто же эти люди, столь низкие, чтобы придти и слушать уроки такого учителя? Определенно, в моем обществе их ей не найти. Нет необходимости, я полагаю, называть лиц, которые оказывали мне честь посещением моего дома, но я могу точно сказать, что среди них нет никого, с кем не было бы высочайшей честью познакомиться любому самому утонченному и высокодостоинному человеку.

Поэтому я убежден в том, что графиня де ла Мотт принесла мне все это зло в меньшей степени из ненависти ко мне, а в большей степени – в целях оправдаться самой. Однако каковы бы ни были ее намерения, я прощаю ее, насколько позволяет мне сердце, за горькие слезы, которые она заставила меня пролить. Пусть она не думает, что с моей стороны это искусственные чувства. Из глубин темницы, куда я ввержен по ее обвинениям, я призываю на ее голову лишь стихию Закона. Если наконец моя невиновность и невиновность моей жены будут признаны и справедливейший из Королей сочтет, что должен обеспечить защиту несчастному иностранцу, поселившемуся во Франции, полагаясь лишь на верное слово царственной особы, на права народов и на законы гостеприимства, единственное удовлетворение, о котором я попрошу, будет состоять в моем прощении к Его Величеству, в мольбе простить и отпустить несчастную графиню де ла Мотт. Это прощение, если я получу его, не будет в ущерб Правосудию. Сколь виновна ни была бы графиня де ла Мотт, она уже понесла достаточное наказание. Из моего горького опыта мир может извлечь урок, что нет такого преступления, сколь тяжко оно ни было бы, которое не могло бы искупить шестимесячное заключение в Бастилии.

Вы прочли это, судьи и граждане. Таков человек, которого хорошо знали в Страсбурге, Бордо, Лионе и Париже под именем графа де Калиостро. Я написал это во удовлетворение нужд Закона, равно как и во удовлетворение всех прочих и любых чувств, разве что за исключением пустого любопытства.

Скажете ли вы, что этого недостаточно? Станете ли вы настаивать на том, чтобы узнать что-то еще, в особенности страну рождения, имя, мотивы поступков и источники дохода этого незнакомца? Что вам до того, французы? Для вас моя страна – это ваша страна, в которой я впервые решил осесть, чтобы жить по ее законам. Мое имя для вас – то, под которым я прославился меж вами. Мотив моих действий – Бог, а источники моего дохода – моя личная тайна.

Когда, дабы помогать больным и насыщать нищих, я испрошу разрешения вступить в ваше врачебное сообщество, или в ваши странноприимные общества, тогда вы и сможете задать мне все возникшие у вас вопросы, однако творить во Имя Божье всё то добро, которое я способен сотворить, есть мое право, не зависящее от страны, доказательств и векселей.

Французы, не любопытством ли одним вы ведомы? Вы читаете фривольные брошюры, где пороки злословия и легкомыслия тешатся во имя осмеяния и бесчестия друга людей.

Не хотите ли вы, напротив, слыть добрыми и справедливыми? Тогда не пытайте, а любите того, кто всегда почитал Королей – потому что они пребывают в Руке Божьей, правительства – потому что они защищают людей, религию – потому что она есть закон, закон – потому что он есть венец религии, и, наконец, людей – потому что все они суть Его дети, как и он сам.

Еще раз: не задавайте ему больше вопросов, но слушайте и любите того, кто пришел к вам творить благо, кто терпеливо перенес нападки, страдал и защищался с умеренностью.

[подписано] Граф де Калиостро

Мемуар графа де Калиостро, обвиненного господином Генеральным Прокурором, обвинителем, в присутствии кардинала де Роана, графини де ла Мотт и прочих обвиняемых

Париж, 18 февраля 1786 г.

Я в заключении, я обвинен, я оклеветан. Разве я заслужил такую судьбу? Я исследую глубины своей души и нахожу там покой, в котором люди мне отказывают. Я много странствовал; я известен во всей Европе и в большей части Африки и Азии. Всюду меня принимали как равного и как друга. Все мои знания, все мое время, все мое достояние неизменно и постоянно направлял я на утешение обездоленных. Я учил, я лечил, но ни разу не снизошел до занятий прибыльными спекуляциями, достойнейшим и спокойнейшим из всех ремесел. Испытывая непреодолимое влечение к облегчению страданий ближних моих, я сделался врачом.

Я богат для того лишь, чтобы расширять круг своего благотворения и умножать пути оказания помощи ближним; я сохраняю независимость, я лишь отдаю, ничего не требуя и не беря для себя взамен; мне хватает деликатности учтиво отвергать даже милости, расточаемые мне августейшими правителями. Богатым всегда открыт доступ к моим советам и моим лекарствам; бедным – к моим лекарствам и моим деньгам. Я никогда не делал долгов; моя нравственность чиста и даже сурова, осмелюсь утверждать; я никого и никогда не оскорбил ни словом, ни действием, ни устно и ни письменно. За оскорбления, нанесенные мне, я прощал, и то добро, которое я делал, я делал в тишине. Будучи повсюду иноземцем, повсюду исполнял я долг гражданина; повсюду почитал я религию, законы и правительство. Вот история моей жизни... [далее по тексту].